

Действительный член Академии
исторических наук
Виктор Кирсанов
kirsanov-vn@narod.ru

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЦЕЛОМ, О РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЧАСТНОСТИ

Несмотря на обилие сказанного об интеллигенции, в обществе до сих пор нет единого взгляда на ее природу. Одни считают, что интеллигенция — это люди, имеющие «корочку» о высшем образовании; другие считают, что интеллигенция — это высокообразованные люди; третьи считают, что интеллигенция — это специалисты, обладающие нравственными качествами, сообразующие свои действия и поступки с моральными нормами. Для одних Николай II и Столыпин (прозванные в народе «кровавым» и «вешателем» соответственно) и им подобные являются интеллигенцией, а для других — нет; для одних Чехов и Толстой и им подобные являются интеллигенцией, а для других — нет.

К числу тех, кто считает, что интеллигенция — это специалисты, обладающие нравственными качествами, сообразующие свои действия и поступки с моральными нормами, относится А. С. Панарин. «Добавьте к качествам специалиста особую нравственную впечатлительность, ранимость, отзывчивость на общие социальные проблемы — и вы получите интеллигента в русском значении этого понятия», — утверждает Панарин на с. 3 своей книги «Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века», вышедшей в свет в 1998 г.. Следующее утверждение Панарина: «Интеллигенция в России появилась со времен реформ Петра I», — на которое также хочу обратить внимание читателя, содержится на с. 127 указанной книги.

Итак, согласно Панарину, интеллигенция в русском значении этого понятия — это специалисты, обладающие нравственными качествами, сообразующие свои действия и поступки с моральными нормами, и появилась она в России со времен реформ Петра I.

Стало быть, до времен реформ Петра I у нас, у российского народа, не было специалистов, обладающих особой нравственной впечатлительностью, ранимостью, отзывчивостью на общие социальные проблемы, т. е. не было интеллигенции в русском значении этого понятия.

Лично я не согласен ни с одним из двух вышеприведенных утверждений Панарина. Начну с того, что истоки интеллигенции любого народа коренятся в истоках данного народа. Народа без интеллигенции не существует. Применительно к интеллигенции в русском значении этого понятия это означает, что интеллигенция в России появилась с появлением на исторической арене русского народа. Даже не углубляясь в многотысячелетнюю историю русского народа, а обратившись лишь ко времени крещения Руси (989 г.), без труда найдем, что интеллигенция в России появилась задолго до реформ Петра I.

Потому интеллигенция и не поддержала социалистические (коммунистические) преобразования в России в октябре 1917 года, более того — всячески противодействовала им, что они, указанные преобразования, не отвечали ее интересам и потребностям. В то время как простой российский народ влачил жалкое существование, российская интеллигенция изо дня в день ковала кадры российских эксплуататоров, стояла на страже их интересов и потребностей как своих собственных, поскольку они (интересы и потребности эксплуататоров) совпадали с ее интересами и потребностями.

Иначе и быть не могло, ибо эксплуататоры есть своего рода передовой отряд интеллигенции. О каком наличии у русской интеллигенции особой нравственной впечатлительности, ранимости, отзывчивости на общие социальные проблемы говорит Панарин? Разве установление в обществе равенства и справедливости, ликвидация эксплуатации человека человеком не относится к социальным проблемам? Если относится,

то где была и есть русская интеллигенция, о которой говорит Панарин, коли эти социальные проблемы не решены до сих пор? Когда российские рабочие и крестьяне в октябре 1917 года принялись изгонять из страны эксплуататоров, российская интеллигенция выступала на стороне последних. Даже после взятия власти пролетариатом в свои руки интеллигенция активно препятствовала делу строительства социализма (коммунизма) в России.

Следует особо отметить тот исторический факт, что там и тогда, где и когда в результате смены общественно-экономической формации власть в обществе переходила от одного эксплуататорского класса к другому эксплуататорскому классу, интеллигенция активно поддерживала данное преобразование. В противном случае, т. е. там и тогда, где и когда в результате смены общественно-экономической формации власть в обществе переходила от эксплуататорского класса к эксплуатируемому классу, интеллигенция активно сопротивлялась данному преобразованию. За примерами далеко ходить не надо. Для тех, для кого деятельность интеллигенции в период строительства социализма (коммунизма) в России неприемлема в качестве доказательства интеллигенции как основы формирования и развития эксплуататоров, можно указать на деятельность интеллигенции в период царской России, скажем, при подавлении крестьянских восстаний, вспыхнувших под руководством Емельяна Пугачева и Степана Разина, или при расстреле рабочего шествия, мирно двигавшегося к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. В последнем случае рабочие шли к царю, неся хоругви, иконы, кресты и большой белый флаг, на котором было написано: «Солдаты, не стреляйте в народ», обнажив головы, с пением церковных песен для подачи петиции царю с просьбой о улучшении их правового и экономического положения. В ответ на это они были расстреляны из винтовок и пулеметов и изрублены саблями по приказу царя и его окружения... Тогда было убито свыше 1 тыс. и ранено более 2 тыс. ни в чем не повинных рабочих.

История свидетельствует, что никакая «особая нравственная впечатлительность, ранимость, отзывчивость на общие социальные проблемы» зачастую нигде и никогда не мешала интеллигенции закрывать глаза на кричащую несправедливость и неравноправие, в правовом и экономическом отношении имеющиеся между ней, с одной стороны, и трудовым народом, т. е. людьми, занятыми минимально умственным и максимально физическим трудом, — с другой. Указанные Панариным, качества интеллигенции зачастую нигде и никогда не мешали ей сытно есть и мягко спать за счет трудового народа. Конечно, исключения были, но речь не об этом, поскольку жизнедеятельность интеллигенции основывается не на исключениях, а на закономерностях, в числе которых минимальное участие в общественном производстве средств к жизни и максимальное участие в потреблении общественных материальных благ стоит на первом месте.